

ДЕТСКАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ В КУЙБЫШЕВСКОЙ И УЛЬЯНОВСКОЙ ОБЛАСТЯХ В 1941–1950 ГОДАХ: ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ УГОЛОВНОГО ПРАВА

*Работа представлена кафедрой отечественной истории и археологии
Самарского государственного педагогического университета.
Научный руководитель – кандидат исторических наук, доцент Е. Л. Храмова*

В статье рассмотрены особенности динамики детской преступности в регионе в 1941–1950 гг., специфика применения уголовного права, а также некоторые аспекты деятельности пенитенциарных учреждений для несовершеннолетних.

Ключевые слова: детская преступность, уголовная ответственность, имущественные преступления, меры наказания, детские колонии.

The author of the article focuses on the minor crime dynamics in the region in 1941–1950, special features of the Civil Code enforcement and also some aspects of the penitentiary system for minors.

Key words: juvenile delinquency, criminal liability, property crime, punitive measures, minor prison.

В современной России детская и подростковая преступность является одной из самых распространенных форм девиантного поведения подрастающего поколения. Данная проблема явилась следствием противоречивых, во многом негативных социально-экономических, политических и духовных процессов, протекавших в стране в последние десятилетия. Данные статистики показывают устойчивый рост преступлений, совершенных несовершеннолетними. В 2005 г. этот показатель составил 154 700 уголовных правонарушений, более 1/3 из них относятся к категории тяжких или особо тяжких¹. Конструктивное решение обозначенных вопросов имеет особую социальную значимость для дальнейших преобразований в стране, для социальной стабильности и благополучия. В связи с этим безусловную теоретическую и практическую актуальность приобретает национальный опыт, накопленный в сфере преодоления детской преступности в 1941–1950 гг. Всевозможные лишения военных лет, особенности политического и со-

циально-экономического развития в послевоенные годы послужили причиной роста детской и подростковой преступности в этот период. Тем не менее к 1950 г. удалось остановить этот процесс и стабилизировать сложившуюся ситуацию.

К исследованию проблем детской преступности в 1941–1950 гг. уже неоднократно обращались ученые. В советский период в условиях строгой идеологической направленности исторической науки, а также недоступности для исследователей многих архивных документов данная тема почти не затрагивалась. В качестве объекта изучения в эти годы выступала лишь такая форма девиантного поведения несовершеннолетних, как беспризорность и безнадзорность². В 1990–2000-е гг. интерес ученых к проблемам детской преступности заметно вырос. В русле исторических, правоведческих и педагогических исследований изучались особенности асоциального поведения подростков в 1940-е гг., а также накопленный опыт преодоления беспризорности и

преступности. Авторы на основе всестороннего анализа обширного комплекса источников попытались составить объективное представление о реальных масштабах преступности несовершеннолетних, выявить ее причины, а также формы и методы борьбы с ней³. Тем не менее в историографии темы налицо отсутствие специальных исследований, посвященных развитию системы профилактики и борьбы с детской преступностью в 1941–1950 гг. как в целом по стране, так и в Среднем Поволжье в частности. Изучение документов местных и федеральных архивов позволяет выявить особенности динамики детской преступности в регионе, а также специфику применения уголовного права в отношении детей в условиях войны и первых лет послевоенного развития.

На протяжении исследуемого периода привлечение к уголовной ответственности несовершеннолетних осуществлялось в соответствии с Постановлением СНК СССР и ЦК ВКП (б) «О мерах борьбы с преступностью среди несовершеннолетних» от 7 апреля 1935 г.: подростки, начиная с 12 лет, уличенные в совершении кражи, причинении насилия, увечий, в убийстве или в попытке к нему, привлекались к уголовному суду с применением всех мер уголовного наказания⁴. Согласно Основным началам уголовного законодательства СССР, принятым в 1926 г., расстрел к несовершеннолетним не применялся⁵.

Данные табл. 1 показывают динамику изменения количественных показателей детской преступности в Куйбышевской об-

Таблица 1
Дети 12–15 лет, осужденные народными судами Куйбышевской области в 1942–1947 гг.⁶

Показатель	1942		1943		1945		1947	
	12–13-летние	14–15-летние	12–13-летние	14–15-летние	12–13-летние	14–15-летние	12–13-летние	14–15-летние
Количество осужденных	123	797	99	765	65	452	20	228
Всего осуждено 12–15-летних	920		864		517		248	
За имущественные преступления	80	682	92	656	57	355	19	192
За нарушение трудовой дисциплины	–	27	–	39	–	44	–	22

ласти в 1942–1947 гг., а также виды преступлений, послужившие основой для привлечения к судебной ответственности.

Анализ приведенных данных позволяет сделать следующие выводы. В течение 1942–1943 гг. в регионе произошел стремительный рост детской преступности: если в 1942 г. на территории двух областей (Ульяновской и Куйбышевской) осудили 920 подростков, то в 1943 г. в одной только Куйбышевской области к уголовной ответственности привлекли 864 ребенка. В качестве основной причины сложившейся ситуации можно назвать дестабилизацию обстановки в обществе, вызванную перестройкой

всей жизни на военный лад, эвакуацией огромных людских ресурсов и, безусловно, тотальным товарным дефицитом. В 1942–1943 гг. более 80% от общего числа осужденных подростков получили наказание именно за имущественные преступления, а это указывает на то, что крайне низкий уровень жизни являлся главной причиной, толкавшей детей на уголовные правонарушения. Данная причина сохраняла определяющее значение и в послевоенные годы: за 1945 г. за имущественные преступления привлекли к ответственности 79,7% от общего количества осужденных подростков. В 1947 г. по соответствующим статьям

Уголовного кодекса (ст. 162, 163, 165 и др.), а также по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» и «Об усилении охраны личной собственности граждан» в Куйбышевской области осудили 85% всех привлеченных к уголовной ответственности детей 12–15 лет. Приведенные в табл. 1 сведения показывают, что доля детей 14–15 лет, осужденных по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 28 декабря 1940 г., на протяжении рассматриваемого периода была незначительна, несмотря на большое количество подростков, покидавших рабочие места. Дело в том, что уголовные дела против них возбуждались, как правило, после представления заявления от руководства предприятия в прокуратуру. В специальном донесении народному комиссару юстиции от начальника Управления Наркомата юстиции РСФСР при Куйбышевском областном совете депутатов трудящихся содержатся данные о том, что начальники цехов далеко не всегда направляли документы о дезертирах из-за сложности их оформления внутри предприятия⁷.

К концу войны в регионе наметилась тенденция сокращения детской и подростковой преступности. Это было связано прежде всего с активизацией работы органов НКВД и деятельностью региональных Отделов по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью. В 1943 г. в Ульяновской области для борьбы с детской преступностью была создана специальная группа милиции⁸. На наш взгляд, причиной значительного снижения числа осужденных детей 12–15 лет явилась работа трудовых воспитательных колоний, организованных в соответствии с Постановлением СНК СССР от 15 июня 1943 г. и приказом НКВД СССР от 21 июня того же года⁹. В пенитенциарные учреждения такого типа направляли часть беспризорников и тех правонарушителей, против которых возбуждать уголовное дело считалось нецелесообразным. В Ульяновской области такая коло-

ния начала работу в 1943 г. в Базарно-Сызганском районе, в Куйбышевской области – в 1945 г. в с. Ново-Семейкино. На протяжении 1945–1947 гг. количество детей, помещавшихся в Новосемейкинскую колонию, неизменно возрастало. В 1945 г. в этой колонии насчитывалось 356 воспитанников, а к началу 1948 г. – 509¹⁰. Предположение о сокращении детской преступности за счет увеличения числа подростков, направлявшихся без суда в трудовые воспитательные колонии, можно подтвердить следующими данными. В 1943 г. приемники-распределители Куйбышевской и Ульяновской областей направили в такие колонии 36 подростков, в 1946 г. – 188 человек¹¹. К 1950 г. численные показатели детской преступности заметно уменьшились, что объясняется в первую очередь относительной социально-экономической стабилизацией, эффективной работой местных органов МВД, значительным сокращением числа беспризорных и безнадзорных, а также деятельностью трудовых воспитательных колоний. Если в 1949 г. в трудовых колониях Куйбышевской и Ульяновской области содержалось 980 заключенных подростков, то в 1950 г. – 568 малолетних преступников¹².

Статистические отчеты о составе осужденных, а также отчеты о работе Куйбышевского областного суда позволяют составить представление о мерах уголовного наказания, применявшихся в отношении несовершеннолетних преступников. Осуждение таких правонарушителей осуществлялось городскими или районными народными судами. Изученные документы показывают, что иногда судьи подходили к делу формально, не учитывая возрастные особенности подсудимых. Так, в 1943 г. в Пестравском районе Куйбышевской области дело несовершеннолетней девушки, осужденной по ст. 162 УК РСФСР, рассматривалось без адвокатской защиты¹³. В 1942 г. в одном из народных судов г. Ульяновска троих 15-летних подростков приговорили к 1 году лишения свободы каждого за кражу 10 пар лыж со школьной базы. Данное

дело рассматривалось позже в суде второй инстанции в результате поступившей от лица осужденных кассационной жалобы. Судья учел возраст ребят, их раскаяние, возврат украденного и изменил меру наказания на 1 год лишения свободы условно¹⁴.

В 1942 г. 45,5% от общего числа осужденных детей 12–13 лет приговорили к лишению свободы, 48% осудили условно, в 1943 г. эти показатели составили 40 и 52,5% соответственно¹⁵. Приведенные данные дают основание говорить о довольно суровом применении уголовных наказаний к детям: почти половина из них направлялись в трудовые колонии. В первые послевоенные годы судебная практика в отношении малолетних преступников еще более ужесточилась. В 1945 г. к лишению свободы приговорили 44,5% всех осужденных в возрасте 12–15 лет, условно – 34,2%, к исправительно-трудовым работам – 19%. В 1947 г. эти показатели составили 70, 16 и 6% соответственно. Если в 1945 г. оправдали 2,5% от общего числа детей, привлеченных к уголовной ответственности, то в 1947 г. – лишь 0,4%¹⁶. В ходе исследования были выявлены данные, поражающие несоответствием совершенного преступного деяния и вынесенной меры наказания. Так, в 1946 г. в Ульяновской области девочку-подростка осудили за кражу 100 г ниток на 1 год лишения свободы в трудовой колонии¹⁷.

Функции надзора за соблюдением законности при осуществлении арестов несовершеннолетних, судебных процессов, а также условий пребывания осужденных в колониях выполняли сотрудники областной, городских и районных прокуратур. В соответствии с Постановлением СНК СССР от 15 июня 1943 г. прокуроры обязывались пресекать случаи необоснованных задержаний и арестов, следить за законностью выносившихся приговоров¹⁸. Несмотря на приказ Прокурора СССР от 25 января 1944 г., предлагавший выделить в штатах прокуратур специальных прокуроров для работы по делам несовершеннолетних, в сентябре 1944 г. в прокуратуре Куйбышев-

ской области такая должность все еще не значилась¹⁹. Положительные изменения наметились лишь с середины 1945 г. В это время активизировалась деятельность прокуроров по участию в судебных процессах над малолетними преступниками. По 98 делам, поступившим в Куйбышевский областной суд во втором полугодии 1945 г., прокуроры отменили приговоры по 6 делам, изменили приговоры по 25 делам, 7 дел были прекращены по амнистии, объявленной в связи с Победой над Германией²⁰. В 1946 г. в составе Куйбышевской областной прокуратуры появилась группа по делам несовершеннолетних, которая продолжала существовать и в 1950-е гг.²¹

Исполнение наказаний для малолетних преступников осуществлялось в рамках региональной пенитенциарной системы. К 1941 г. в Куйбышевской области насчитывалось две трудовые колонии для несовершеннолетних преступников 12–15 лет: мужская в п. Кряж и женская в г. Ульяновске. В 1943 г. в соответствии с постановлением СНК СССР от 15 июня 1943 г. в Ульяновской области открылась Базарно-Сызганская воспитательная колония для мальчиков 11–15 лет. В начале 1945 г. в Куйбышевской области работали три колонии для мальчиков: две трудовые в г. Куйбышеве на базе завода КАТЭК и в п. Кряж и одна трудовая воспитательная колония в с. Ново-Семейкино, которая в 1949 г. была закрыта, и статус воспитательной перешел к Кряжской колонии. К 1950 г. на территории двух областей свою деятельность осуществляли две трудовые и две трудовые воспитательные колонии, находившиеся в ведении Отдела детских колоний МВД СССР.

Деятельность колоний для несовершеннолетних в 1941–1950 гг. была сопряжена с многочисленными трудностями, прежде всего материального плана. В 1946 г. на собрании партийной организации Отдела по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью Куйбышевской области отмечалось, что в Ново-Семейкинской воспитательной колонии за год ее существования

так и не закончили строительство жилых помещений, в Кряжской колонии наблюдалась скученность и антисанитария²². К сожалению, материалы местных архивов не позволяют в полной мере осветить вопросы обеспечения продуктами и медицинским обслуживанием. Следует заметить, что правительство установило для воспитанников колоний крайне низкие нормы питания. Так, в 1943 г. подросткам, содержащимся в трудовых колониях, полагалось 25 г мяса в день, а детям, помещенным в воспитательные колонии, – 50 г мясных продуктов²³. После войны нормы были уменьшены: если в 1943 г. общая калорийность питания составляла 2600 калорий в сутки, то в соответствии с приказом МВД СССР от 17 октября 1946 г. данный показатель составлял лишь 1900 калорий²⁴. Следствием катастрофической нехватки питания, тяжелых физических нагрузок, неудовлетворительных бытовых условий, нехватки медико-санитарного персонала становились тяжелые заболевания воспитанников. В 1943 г. начальник 7-го отдела ОБДББ НКВД СССР Я. П. Соколов докладывал начальнику ОБДББ НКВД СССР Ф. М. Леонюк о широком распространении таких болезней, как куриная слепота, пеллагра, цинга. 80% всех смертных случаев имели причиной авитаминоз и дистрофию²⁵. Ситуация несколько улучшилась лишь в конце 1940-х гг. В 1949 г. во всех детских колониях СССР не зафиксировали ни одного случая алиментарной дистрофии²⁶. Трудности в учебно-воспитательной работе были связаны с дефицитом педагогов и их недостаточной квалификацией. Так, в 1943 г. штат воспитателей Ульяновской трудовой колонии был укомплектован лишь на 50%²⁷. Необходимо заметить, что проблема обеспечения школьным и производственным обучением была характерна для многих детских колоний страны. В 1945 г. 89,9% воспитанников воспитательных колоний обучались в школе, лишь 64,3% были охвачены производственным обучением²⁸.

Материалы Прокуратуры Управления исправительно-трудовых лагерей и коло-

ний (УИТЛК) по Куйбышевской области и Управления особого строительства (УОС) НКВД СССР показывают, что преступники в возрасте 16–17 лет отбывали наказание в трудовых лагерях и колониях для взрослых. Так, в 1944 г. в Куйбышевской области в лагерях и колониях УИТЛК и УОС НКВД СССР содержалось 2124 человека 16–18 лет, осужденных в основном за имущественные преступления и нарушение трудовой дисциплины²⁹. В 1943–1944 гг. сотрудники прокуратуры УИТЛК по Куйбышевской области и УОС НКВД СССР проверили условия жизни и работы заключенных, и выяснилось, что несовершеннолетние трудятся на общих земляных и строительных работах по 10 часов в день при полной норме задания. Молодые люди содержались вместе с бандитами и рецидивистами. В 1944 г. в колонии № 4 отбывали наказание 180 юношей 16–17 лет, они вынуждены были спать на полу, под нарами, жилая площадь здесь составляла 0,4 м² на человека³⁰. По итогам проверок начальник Прокуратуры УИТЛК по Куйбышевской области Голубев в декабре 1944 г. отправил начальнику областного УИТЛК Управления НКВД представление о необходимости организации отдельной исправительно-трудовой колонии (ИТК). В начале 1945 г. в области начала действовать ИТК № 2 для несовершеннолетних 16–18 лет. Ее заключенные работали на местных заводах по 8 часов в день, для осуществления культурно-воспитательной работы был организован клуб на 200 мест³¹.

Изученные документы не позволяют в полной мере последить судьбу освобожденных воспитанников. В 1945 г. из двух трудовых колоний Куйбышевской области выбыл 1371 подросток: 1012 – к родным, 79 устроили работать на промышленные предприятия, 24 – в колхозы, 9 бежали, 3 умерли, 12 перевели в колонии для взрослых³². В 1949 г. из Ульяновской трудовой колонии вышло 493 несовершеннолетних: 49 освободили досрочно, 6 бежали, 14 трудоустроили, остальные указаны в документах как «отправленные к родителям»³³. Очевид-

но, что основная часть возвращалась в свои семьи, совсем незначительное число бывших заключенных детей трудоустраивали в промышленность или сельское хозяйство.

Анализ практики уголовного правоприменения к несовершеннолетним, осуществлявшейся в 1941–1950 гг., показывает ее неоднозначный противоречивый характер. С одной стороны, суровость уголовного права, применение почти всех мер наказания уже к 12-летним подросткам – все это сыграло определенную положительную роль в формировании правомерного поведения детей, в немалой степени способство-

вало стабилизации общественной обстановки. С другой стороны, очевидны приоритетность карательных методов преодоления преступности, бесчеловечность уголовного законодательства тех лет, равнодушие и бездумность, проявлявшиеся при его применении. Многие дети попадали в колонии за самые незначительные преступления. Пребывание в пенитенциарных учреждениях, безусловно, имело деструктивное значение для детской психики, нередко обуславливало ее социальную дезадаптацию, шансы на благополучную социализацию для таких детей становились минимальными.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Детская преступность [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.mun-nizh.ru/item286>

² Синицын А. М. Забота о безнадзорных и беспризорных детях в СССР в годы Великой Отечественной войны // Вопросы истории. 1969. № 3. С. 20–29; Базаров Ф. Е. Борьба с детской беспризорностью и безнадзорностью в годы Великой Отечественной войны. (По материалам Омской области) // В грозные годы. Омск, 1973. С. 74–79.

³ Ермаков Е. Г. Организационно-правовые основы деятельности органов внутренних дел по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период (1941–1950 гг.): Историко-правовой аспект. Автореф. дис. ...канд. юр. наук. М., 2002; Шуткова Е. Ю. Советские политические репрессии в отношении несовершеннолетних (1917–1953 гг.) Дис. на соис. учен. степени канд. ист. наук. Ижевск, 2003; и др.

⁴ Дети ГУЛАГа. 1918–1956. М., 2003. С. 182–183.

⁵ Уголовное законодательство СССР и союзных республик. М., 1957. С. 10.

⁶ Составлено по: ГАСО. Ф. Р – 4958. Оп. 16. Д. 16. Л. 1–7; Д. 21. Л. 1–6; Д. 29. Л. 1–7; Д. 37. Л. 1–4.

⁷ ГАСО. Ф. Р – 4958. Оп. 16. Д. 14. Л. 98–99.

⁸ ЦДНИ УО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 318. Л. 7.

⁹ СОГАСПИ. Ф. 714. Оп. 1. Д. 1035. Л. 6–7.

¹⁰ ГАРФ. Ф. Р – 9412. Оп. 1. Д. 57. Л. 45; Д. 136. Л. 7.

¹¹ Данные посчитаны по: ГАРФ. Ф. Р – 9412. Оп. 1. Д. 2. Л. 9–11; Д. 58. Л. 17, 20.

¹² Данные посчитаны по: ГАРФ. Ф. Р – 9412. Оп. 1. Д. 241. Л. 126, 134; Д. 278. Л. 166.

¹³ ГАСО. Ф. Р – 4958. Оп. 16. Д. 14. Л. 117.

¹⁴ Там же. Д. 950. Л. 54.

¹⁵ Данные посчитаны по: ГАСО. Ф. Р – 4958. Оп. 16. Д. 16. Л. 1–7; Д. 21. Л. 1–6.

¹⁶ Данные посчитаны по: ГАСО. Ф. Р – 4958. Оп. 16. Д. 29. Л. 1–7; Д. 37. Л. 1–4.

¹⁷ ГАРФ. Ф. Р – 9412. Оп. 1. Д. 97. Л. 115.

¹⁸ ГАСО. Ф. Р – 2972. Оп. 2. Д. 157. Л. 56.

¹⁹ Там же. Д. 115. Л. 181.

²⁰ Там же. Л. 205.

²¹ Там же. Оп. 4. Л. 2–3.

²² СОГАСПИ. Ф. 6181. Оп. 1. Д. 501. Л. 5; Д. 571. Л. 2–4.

²³ Дети ГУЛАГа. 1918–1956. С. 383, 397.

²⁴ ГАРФ. Ф. Р – 9412. Оп. 1. Д. 147. Л. 349.

²⁵ Там же. Д. 19. Л. 8–10.

²⁶ Там же. Д. 288. Л. 35.

²⁷ ЦДНИ УО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 318. Л. 15.

²⁸ ГАРФ. Ф. Р – 9412. Оп. 1. Д. 57. Л. 6.

²⁹ ГАСО. Ф. Р – 2596. Оп. 2. Д. 2204. Л. 22.

³⁰ Там же. Д. 1997. Л. 14; Д. 2204. Л. 23–24.

³¹ Там же. Д. 2204. Л. 220–225.

³² ГАРФ. Ф. Р – 9412. Оп. 1. Д. 57. Л. 29–30.

³³ Там же. Д. 241. Л. 134.